

К. В. Годунов

«Пугают террором»: к истории языка насилия в 1917 году

Введение

«В плен не брать. Чем больше террора, тем больше победы» — эти слова современники приписывали лидеру Белого движения¹. Авторы одной из многочисленных телеграмм, направленных В. И. Ленину после покушения на его жизнь летом 1918 г., писали: «Мы за единоличный террор, применяемый... к нашим славным передовым борцам, теснее сомкнемся в ряды и на белый террор контрреволюции ответим красным террором. Если они убивают личности, мы истребим их классы. Железная рука Пролетариата не остановится ни перед какими препятствиями»². В 1918 г. представители противостоящих друг другу политических сил рассматривали массовый террор в качестве средства борьбы, необходимого для победы в Гражданской войне. Это представление едва ли было всеобщим, но, очевидно, достаточно распространенным, чтобы стать важным фактором политической жизни.

Исследователи уже ставили вопрос о том, как политическая и культурная ситуация 1917 г. способствовала распространению террора³. Изучая культуру террора, ученые концентрируются в основном на том, как террор проявлялся в политической риторике большевиков, уделяют особое внимание периоду Гражданской войны и последующим периодам⁴. Вместе с тем для того, чтобы ответить на вопрос, как стал возможен культ насилия по отношению к политическим врагам, необходимо изучить, как функционировало понятие «террор»

**Годунов
Константин
Валерьевич**

канд. ист. наук, науч.
сотр., Европейский
университет
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Статья подготовлена
в рамках
исследования,
проводимого
в Европейском
университете
в Санкт-Петербурге
при финансовой
поддержке
Российского научного
фонда, проект
№ 20-18-00369
«Процессы
легитимации насилия:
культуры конфликта
в России и эскалация
гражданской войны»

в 1917 г. в ходе массовой политизации, в период поиска новых слов и образов, пригодных для описания стремительно меняющейся политической реальности.

Террор и субкультура революционного подполья

Какова семантика слова «террор»? Современный исследователь отмечает, что в словарях и энциклопедиях дореволюционной эпохи не было токования этого понятия⁵, оно стало важным лишь для составителей политических словарей периода первой русской революции. Так, в одном из них отмечалось: «Красный террор — удары революционеров против наиболее вредных, по их мнению, правительств[енных] лиц. Белый террор — кровавые меры правит[ельства] с целью напугать население»⁶. Составители другого словаря давали террору следующее определение: «...страх, устрашение; в политике — образ действий, имеющий в виду достижение к[аких]-л[ибо] целей посредством убийств и вообще жестоких мер, наводящих ужас на население (напр[имер], т[еррор] во Франции 1793–1794 гг.); белый т[еррор] — т[еррор], исходящий от правительства»⁷.

В ситуации российской революции применялись выражения, пришедшие из французского языка: под белым террором изначально понимались репрессии против бонапартистов после второй реставрации Бурбонов, а под красным — насилие революционное; новый импульс эти понятия получили в период Парижской коммуны⁸.

Что понимали под словом «террор» люди во время революции 1917 г.? Ключ к ответу на этот вопрос также дают политические словари, рассчитанные на массового читателя. В некоторых из них находим буквальную трактовку слова: «ужас, страх; система управления, когда порядка добиваются применением самых жестоких мер: казнями, убийствами, изгнаниями и т. п.»⁹, «особый способ действий, имеющий целью, с помощью убийства или жестоких наказаний, навести ужас и страх на господствующий класс или общество»¹⁰. Давая прямой перевод понятия «террор», составители словарей связывали это понятие с конкретной эмоцией — страхом.

Вновь террор подразделялся на красный и белый — террор революционеров и террор правительства¹¹. В качестве примеров революционной террористической политики составители словарей приводили якобинский террор 1793–1794 гг.¹² и террор «Народной воли»¹³.

Сам факт включения понятия «террор» в словники свидетельствует о том, что оно было распространено, становилось важным элементом нового политического языка.

У этого были политико-культурные предпосылки. Флоренс Харпер, американская военная корреспондентка, вспоминала, как 23 февраля 1917 г. революционная толпа пела «Марсельезу» на Суворовской площади: «Это была необычная русская версия, которую крайне сложно было сразу же распознать. Я слышала пение “Марсельезы” много раз, но в тот день я впервые услышала, как ее поют так, как должно. Люди здесь были выходцами из тех же классов

и пели ее по тем же причинам, что и французы, впервые спевшие эту песню больше ста лет назад. Наступил день мятежа. Был поднят красный флаг революции. Россия должна была умыться кровью. Началось царство террора»¹⁴. Приведенное описание телеологично: последующее знание о том, что Россия переживет время массового террора, явно оказало влияние на оценки мемуаристки.

Вместе с тем современные исследования подтверждают, что развитая субкультура революционного подполья, ставшая после февраля 1917 г. частью массовой культуры, оказала воздействие на эскалацию насилия¹⁵. Эта субкультура способствовала романтизации и даже сакрализации если не террора, то революционеров-террористов¹⁶. В 1917 г. их образы оказали особое влияние на политику памяти социалистов-революционеров: «Партия эсеров, которая в целях привлечения в свои ряды новых членов постаралась извлечь из своей прошлой террористической деятельности максимум возможного, окружила своих вождей ореолом славы и героизма»¹⁷.

Так, 15 июля 1917 г. — день тринадцатой годовщины убийства В. К. Плеве Е. С. Сазоновым — был объявлен партией Всероссийским социал-революционным днем. Значение теракта Сазонова издание Центрального комитета партии раскрывало следующими словами: «Бунт бунтов сотворила десница моя и мятеж мятежей поднял дух мой»¹⁸. Стилизация под язык священных текстов должна была способствовать сакрализации памяти о террористическом акте.

Памятная дата отмечалась и в провинции. В частности, в Пскове 15 июля должны были пройти митинги и исполнительные вечера, посвященные памяти Сазонова, истории эсеровской партии и ее боевой организации. Симптоматично, что в листовке псковских эсеров 15 июля называлось праздничным днем¹⁹. Память о терроре эсеры использовали в качестве инструмента политической мобилизации, и террористический дискурс в данном случае имел связку с конкретными политическими действиями — сбором средств для партийного издательства, подготовкой к выборам в Учредительное собрание.

Показательно, что в регионах прославлялись и местные герои террора. Так, в Петрозаводске разные силы обсуждали вопрос об установке памятника эсеру, казненному в 1908 г. за покушение на петербургского чиновника²⁰.

Подобная политика крупнейшей политической партии способствовала тиражированию понятия «террор».

Политическое использование понятия «террор»

Слово «террор» использовалось в политических целях уже в дни Февральской революции. Начальник Генерального штаба генерал П. И. Аверьянов писал М. В. Алексееву о том, что назначение Л. Г. Корнилова на пост главнокомандующего Петроградским военным округом «повелительно необходимо... для спасения Петрограда от анархии и террора»²¹. Страх перед террором использовался для лоббирования важных политических решений.

Использовали слово «террор» и авторы дневников. Так, 3 марта консервативно настроенный Б. В. Никольский записал в дневнике: «...начинается столетняя смута, — если не более, чем столетняя. <...> Не знаю, что мне

сулят перемены. В порядок и спокойствие я не верю. Чем бы ни кончилась война, внутренние раздоры неизбежны. Не знаю, миновать ли нам и террора. Все может быть. Аресты, производимые Керенским, обещают очень многое. Торжество крайних неизбежно и неизбежно их падение. Какою-то ценою все это будет куплено!»²² Автор дневника использовал важное для правых понятие «смута», а перспективы террора связывал с деятельностью министра юстиции А. Ф. Керенского.

Генерал В. И. Селивачев видел корни террора в другом. 11 марта он записал в дневнике: «Вчера передавали, что выработан проект уменьшения содержания офицерам и увеличения жалованья солдатам. Словом, “хам” уже идет, и я глубоко убежден, что скоро наступит время террора и междоусобицы»²³. Генерал использовал для характеристики ситуации в стране три важных понятия политического языка 1917 г.: «террор», «междоусобица», «хам». Образ «грядущего хама» символизировал угрозу, исходящую от социальных низов, игравших все большую роль в политической жизни после свержения монархии²⁴; Селивачев использовал этот образ для описания тех конфликтов между офицерами и солдатами, которые могли привести к террору и междоусобице.

В день Пасхи, 1 апреля 1917 г., писательница Р. М. Хин-Гольдовская характеризовала в дневнике свое эмоциональное впечатление от этого праздника: «Первое Светлое Воскресенье свободной России... Когда и как все “образуется” — ни один мудрец не скажет. Одно несомненно: совершилось нечто до того великое, мифическое, что оно исключает всякий поворот к прошлому. Может быть, нам придется пережить весь ужас террора и все мы, сегодняшние “граждане” окажемся *des “ci-devant”*, будем голодать и прятаться от новых сыщиков пуще чем от старых. И все же “старое в землю зарыто” — а за это можно и претерпеть»²⁵. Если Никольский использовал для характеристики ситуации образ смуты, то Хин-Гольдовская, используя слово «*ci-devant*» («прежние, бывшие»), применяла другую распространенную аналогию. По выражению историка, исследовавшего общественные настроения разных групп интеллигенции в 1917 г., на память многим из них «приходили где-то вычитанные сцены Великой Французской революции — штурмы тюрем и дворцов, пожары и разрушения памятников, закон о “подозрительных” и якобинский террор»²⁶. Люди разных взглядов, хорошо осведомленные об истории Французской революции, не могли не проводить параллели с революцией в России и не размышлять об эскалации насилия. Как мы увидим, это окажет воздействие на ход некоторых политических дискуссий.

И ранней весной, на эйфоричном, «пасхальном» этапе революции, когда многим казалось, что политическое единство, гражданский мир и демократические свободы вполне прочно обеспечены, носители различных политических взглядов опасались, что террор неизбежен. Эти опасения усилились летом.

Передовая статья «Речи» за 18 июня давала пессимистическую оценку сложившейся в стране политической ситуации. Ослабление правительственного кабинета привело к новому положению: «Если при прежнем составе правительства возможно было хотя некоторое руководство ходом русской

революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихийным законам всех революций»²⁷. По этой логике распад коалиции и переход власти к социалистам должен был привести к эскалации насилия: «...взяв “всю власть”, Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнять недостаток власти испытанными в истории младотурецкими или якобинскими приемами. <...> Захотят ли они, поставив вновь весь вопрос, скатиться вниз до якобинства и террора, или сделают попытку умыть себе руки? Вот тот очередной вопрос, который должен решиться на днях»²⁸. В данном случае исторические аналогии использовались для комментирования текущей политической ситуации; с помощью растиражированного образа якобинского террора автор статьи (вероятно, П. Н. Милюков) формулировал политический прогноз, стремясь оказать давление на социалистов и способствовать выгодному для кадетов соотношению политических сил между участниками правительственной коалиции.

«Историк прав. На днях или не на днях, но вскоре должен решиться именно этот вопрос. Либо наступление, поворот к контрреволюции, успех (надолго ли?) дела империалистской буржуазии, “умывание рук” Черновым и Церетели. Либо — “якобинство”. Историки буржуазии видят в якобинстве падение (“скатиться вниз”). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»²⁹, — так на статью в «Речи» отреагировал В. И. Ленин. Политические оппоненты использовали схожие исторические аналогии для оценки политической ситуации, при этом лидер большевиков прибегал к образу якобинцев для выстраивания политической генеалогии сторонников углубления революции.

За несколько недель до этого, в статье за 7 июня, Ленин также писал о своем отношении к французским революционерам и их террористической политике: «“Якобинцы” ХХ в. не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование. Достаточно было бы арестовать 50–100 магнатов и тузов банкового капитала, главных рыцарей казнокрадства и банкового грабительства; достаточно было бы арестовать их на несколько недель, чтобы раскрыть их проделки, чтобы показать всем эксплуатируемым, “кому нужна война”»³⁰. На данном этапе развития революции Ленин считал нужным транслировать идею, что полномасштабного террора, аналогичного якобинскому, можно избежать.

Летом понятие «террор» использовалось в ходе разнообразных конфликтов. Контекст употребления понятия был обозначен в письме, написанном 17 июня Ю. О. Мартовым. Он перечислял опасности, которые угрожают революции: «Над всем тяготеет ощущение чрезвычайности, временности всего, что совершается. Такое у всех чувство, что все это революционное великолепие на песке, что не сегодня завтра что-то новое будет в России: то ли поворот крутой назад, то ли красный террор каких-нибудь полков, считающих себя большевистскими, но на деле настроенных просто пугачевски. Последние две недели каждый день полон слухов о бунтах в отдельных полках, о готовящихся “выступлениях” и пр. А пока незаметно и неуловимо организуется какая-то контрреволюция, которая умело собирает свои силы»³¹. По мнению одного из лидеров

меньшевиков, гражданскому миру угрожали и правые, и левые. Эмоциональное проживание грядущего кризиса, кажущегося неизбежным, проявлялось в распространении слухов.

В письме, направленном Н. С. Чхеидзе, представители Керченского совета Лиги спасения Отечества обращались к «Председателю авторитетного органа Демократии России с покорнейшей и слезной просьбой принять немедленные меры к пресечению провокаторской и явно преступной пропаганды большевика Ленина и Ко, результаты которой сказались на примере образования “Кронштадтской Республики”»: «В настоящее время, когда необходимо тесное единение всех народных сил, лица, подобные Ленину, должны быть уничтожены, что мы берем на себя, прибегнув к террористическому акту, и что не замедлим привести в исполнение, если он впредь не прекратит своей подлой и дьявольской пропаганды, достойной немецкого батрака, приехавшего сюда в Россию в запломбированном вагоне, с определенными инструкциями от немецкого правительства — вызвать в России анархию. Долой провокатора Ленина. Да здравствует Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов»³². В данном случае индивидуальный террор описывался как крайняя форма проявления патриотизма, средство избавления от врага, угрожающего единству страны и действующего в интересах Германии. Эти образы были элементами распространенного с весны 1917 г. дискурса борьбы с «анархистами», раскалывающими страну на различные «республики»; часто подобная антианархистская пропаганда использовалась против «ленинцев», большевиков и сил, обвиняемых в «большевизме»³³.

Автор статьи в «Новом времени» полагал, что после выхода из коалиции кадетов возникло противоречие между стремлением масс к социализму и установками некоторых лидеров умеренных социалистов о неготовности страны к этому переходу. Автор статьи полагал, что массы переубедят не партийные лидеры, а сложившаяся в стране ситуация: «Разочарования и страдания. Голод и разруха. Кровь, которую будут проливать безработные. Анархия, которая не станет меньше от того, что мы еще на шаг продвинулись к управлению террором, уже не далекому»³⁴. В такой трактовке и практически неизбежный террор не поможет преодолеть углубляющийся кризис: только после эскалации кризиса безумие «должно завершить свой цикл — и погубить самого себя»³⁵.

11 июля участники 21-го заседания Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета приняли воззвание, в котором предупреждали «граждан-мусульман» о том, что «победа революции даст всем свободу, укрепит благосостояние всех и каждого, крушение ее уравнивает всех в нищете, ибо надолго в стране водворится террор реакции и анархии»³⁶. Если составители приведенной выше резолюции описывали индивидуальный террор как средство борьбы с анархией, то для представителей иной части политического спектра анархия и террор описывались как угрозы, стоящие перед сторонниками революции.

В некоторых случаях понятие «террор» использовалось для описания конфликтов в армии. Члены корпусного комитета 10-го армейского корпуса о расследовании арестов солдат в 33-м пехотном Елецком полку постановили,

что подобные действия командования полка «приводят к слишком печальным результатам» и что «в данный момент никакой террор, никакие кары, никакие репрессии не в состоянии поднять боевую мощь армии»³⁷. Репрессии в армии описывались как пережиток старого режима, террор и революция, по мнению авторов постановления, несовместимы.

Особую остроту дискуссии о терроре в армейской среде приобрели после введения смертной казни на фронте летом 1917 г.³⁸ «Устрашением и террором никогда не могли предотвратить те или другие общественные бедствия»³⁹, — так отреагировали на этот шаг участники V съезда Социал-демократии Латышского края. Еще более показательна дискуссия, состоявшаяся на заседании губернского исполнительного комитета Красноярского Совета.

Председатель Совета военных депутатов Иркутска, социалист-революционер А. А. Краковецкий полагал: «Бывают исключительные минуты, когда казнь необходима. Так было во времена французской революции, когда в ход была пущена гильотина, и революционеры в исключительных случаях применяли террор. Ведь казнь применяется только в действующей армии. Пусть сами солдаты разберутся в том, какой ужас бежать перед врагом»⁴⁰.

Возражая Краковецкому, председатель Совета военных депутатов Иркутска большевик Б. З. Шумяцкий выступил против отождествления смертной казни и террора: «Террор не имеет ничего общего с казнью. Террористические убийства защищали интересы народа. Это был призыв к борьбе, наконец, это было делом бескорыстным, так как сами террористы большей частью погибали. А тут на мировой Голгофе продолжается истребление и не видать конца бессмысленной бойне»⁴¹. В соответствии с этой точкой зрения революционный террор — легитимное действие, а введение смертной казни, которая будет способствовать продолжению войны, недопустимо. Примечательно, что делегаты, отстаивавшие противоположные позиции, сочувственно ссылались на опыт Французской революции: революционный террор казался обоим легитимной мерой.

20 июля большевик В. Э. Кингисепп так сформулировал альтернативу, стоявшую перед страной: «Правительство спасения революции или должно стать революционной диктатурой, проводящей красный террор, или же станет — в другом составе — правительством спасения родины, правительством открыто империалистическим, правительством военной диктатуры, опирающейся на белый террор»⁴². Если в июне Ленин полагал, что террора можно избежать, то после Июльского кризиса некоторые большевики полагали, что эскалация террора — революционного или контрреволюционного — неизбежна. С этой оценкой, вероятно, могли согласиться носители различных политических взглядов.

К середине августа ожидания нового кризиса актуализировали использование понятия «террор». Это проявилось и в визуальных образах: в августовских номерах популярного сатирического журнала «Бич» появились изображения виселицы, гильотины⁴³ — ожидания террора приобретали зримые очертания, страх перед ним визуализировался, при этом вновь использовались знакомые многим образы Французской революции.

На заседании Центрального комитета кадетской партии 20 августа З. Г. Френкель заявил: «Пугают террором, но для него... нужны подходящие люди, а их еще не видно»⁴⁴. Как было показано выше, ранее страх перед террором использовали в политических целях и некоторые кадеты, в ситуации же нарастающего кризиса видный член партии полагал, что ожидания террора не имеют под собой основы: для проведения террора нет необходимых сил. Показательно при этом, что, не считая угрозу террора серьезной, он фиксировал распространенность ожиданий террора.

В августе совет Союза частновладельцев выпустил обращение к населению Тамбовской губернии. Описывая разгром имений, корни которого члены совета видели в аграрной политике после февраля, члены совета писали: «[До революции] социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям»⁴⁵. По мнению составителей письма, безответственная земельная политика социалистов делала неизбежной эскалацию террора, который описывался как неизбежная ответная мера на погромы.

19 августа на объединительном съезде РСДРП И. Г. Церетели, один из лидеров меньшевиков, заявил: «Революции приходится ограждать единство своих рядов. Настал момент террористической политики для предупреждения ужасов гражданской войны и разложения на фронте»⁴⁶. Используя чрезвычайно распространенный в этот момент страх перед гражданской войной⁴⁷, Церетели пытался оказать давление на революционные власти, которые должны были ужесточить курс, а «органы репрессий», по его мнению, должны были усилить борьбу с анархией. В тот период Церетели транслировал идею о том, что гражданскую войну может предотвратить только насилие, направленное против врагов революции.

Виднейший представитель умеренных социалистов был в этом не одинок. На том же съезде Н. А. Рожков, один из лидеров социал-демократов объединенцев, заявил: «Для того, чтобы правительство подняло свой авторитет и чтобы армия могла проникнуться энтузиазмом к его приказаниям, нужно правительство революционной диктатуры. Для этого требуется, чтобы состав правительства был однороден и чтобы там не было элементов, противоречащих его революционным заданиям. Нет сомнения, что это будет диктатура, что это будет террор, но этот террор будет направлен против контрреволюции, не против революционных солдат, а против контрреволюционных генералов»⁴⁸. Легитимация террора была важным элементом политической программы Рожкова: насилие должно было усилить «революционную диктатуру», стать средством борьбы с одной из главных угроз, которая стояла перед революцией, — реакционными генералами. Только формирование однородного социалистического правительства могло способствовать пробуждению революционного энтузиазма — важнейшего условия успешного продолжения войны. Углубление кризиса необходимо было остановить с помощью насилия.

Эта позиция вызвала критику В. Я. Ирецкого — писателя, публициста, близкого к кадетам. Разбору речи Рожкова он посвятил специальную статью, опубликованную на страницах «Речи». Речь Рожкова он суммировал так:

«Должна быть установлена диктатура революционной демократии. Диктатура должна опираться на террор». Публицист описал эмоции, которые вызвала у него подобная политическая позиция: «[Эта] фраза Рожкова показалась мне освещенной адским пламенем»⁴⁹.

По мнению Ирецкого, эмоции были движущей силой террора: «Мы теперь живем в дни страшной подозрительности, паники и нервности, которые заставляют взывать ко всякого рода врачам. Рожков определенно указал этого исцеляющего врача и сообщил его улице». Апеллируя к истории Французской революции, автор статьи делал прогноз: «Увы, это уже раз было. Тревожная подозрительность и паника были предвестниками сентябрьских убийств во Франции. Боги жаждут!»⁵⁰ По мнению автора статьи, как и французские революционеры, сторонники террора в России лоббировали его под воздействием страха перед радикализующимися массами. Вновь кадеты использовали образ революционного французского террора (в том числе через отсылку к известному роману Анатоля Франса о якобинском терроре) для усиления негативных прогнозов о развитии российской революции.

Эти опасения усилились в ходе «дела Корнилова».

Член партии Народной свободы писал в «открытом письме вождям» своей партии: «Петрограду, изолированному от страны, с брожением в собственных стенах, — немислимо было бы продержаться дольше нескольких дней, а дальше настали бы дни террора и мести, всегда больнее всего отражающиеся не на вожаках, а на обманутых, брошенных в огонь политических раздоров, слепых рядовых»⁵¹. Правые организаторы заговора не смогли бы продержаться долго, и их крах привел бы к террору. Ответственность за это автор статьи возлагал и на своих однопартийцев, которые, по его мнению, «пассивным, благожелательным нейтралитетом» по отношению к выступлению Корнилова поставили под угрозу «классовое перемирие»⁵². Подобные обвинения серьезно осложняли и без того сложный процесс образования новой коалиции.

В результате корниловского выступления углубился раскол в армии, в некоторых случаях выражавшийся в использовании риторики террора. 11 сентября солдаты в неподписанном письме призывали «террор на весь командный состав, именно на генералов, которые возбуждают контрреволюцию»⁵³. Под угрозой самосудов корреспондент «Новой жизни» задавался вопросом: «Террор или правосудие?»⁵⁴ К осени 1917 г. этот вопрос ставили представители противоположных политических лагерей.

Заключение

Итак, в 1917 г. понятие «террор» употребляли люди разных взглядов для описания разных явлений политической и социальной действительности: с его помощью характеризовались действия левых и правых радикалов, аграрные беспорядки, введение смертной казни на фронте и т. д. Это свидетельствует о распространенности слова «террор». Инструментализации террористического дискурса способствовала субкультура революционного подполья, ставшая частью массовой культуры после февраля 1917 г.

К осени 1917 г. представление о необходимости применения насилия как универсального инструмента решения политических проблем получало все бóльшую поддержку среди носителей различных политических взглядов. К тому моменту набирают силу процессы дегуманизации, расчеловечивания врага: уничтожение оппонента, угрожающего сообществу, описывалось в качестве средства разрешения проблем, стоявших перед страной. Политические кризисы 1917 г. стали «обоснованием для вывода о безнадежной чуждости противника, о необходимости беспощадного его уничтожения»⁵⁵. Это проявилось и в употреблении понятия «террор».

Для одних (в числе которых были и некоторые умеренные социалисты) террор выступал легитимным средством борьбы за идеалы революции, инструментом пробуждения революционного энтузиазма; террор, по их мнению, должен был стать ответом на рост насилия. Другие опасались эскалации террора, использовали страх перед ним в политических целях. Этот страх соединялся со страхом перед другими угрозами, стоявшими перед страной, — анархией, «пугачевщиной», «хамодержавием» и особенно перед гражданской войной.

Язык насилия, распространению которого в 1917 г. способствовали сторонники и противники его применения, оказал воздействие на ход революции и Гражданской войны.

¹ Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело: в 6 т. Т. 3. Берлин, 1927. С. 67.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р393. Оп. 3. Д. 253. Л. 88.

³ Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. P. 182–186; Ратьковский И. С. Социально-психологические и исторические корни террора в годы Гражданской войны в России (1917–1922) // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Люди. СПб., 1999. С. 125–139.

⁴ Ryan J. Lenin's terror: The ideological origins of early Soviet state violence. London; New York, 2012; Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 976–988.

⁵ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2016. С. 13.

⁶ Общедоступный словарь: пособие при чтении газет и книг: руководство для самообразования: объяснение непонятных слов, политических выражений, цифровые сведения / сост. А. И. Лебедев. Нижний Новгород, 1907. С. 151.

⁷ Общественно-политический словарь: (краткая энциклопедия по вопросам общественного и политического устройства) / Г. Ч. М., 1906. С. 51.

⁸ Душенко К. В. Красное и белое: из истории политического языка. М., 2018. С. 29–30.

⁹ Толковый политический словарь для всех. М., 1917. С. 28.

¹⁰ Сахаров И. Общепонятный словарь — политический и малопонятных слов. Необходимое пособие при самообразовании и чтении газет. М., 1917. С. 55.

¹¹ Толковый словарь в помощь при чтении газет, журналов и книг. Нижний Новгород: Сеятель, 1917. С. 56; Ольшанецкий А. М. Политический словарик в помощь при чтении газет, журналов и книг. Нижний Новгород, 1917. С. 28.

¹² Толковый словарь политических названий и слов. Пг., 1917. С. 81.

¹³ Ефимов В. Современный социально-политический словарь (энциклопедия для всех). М., 1917. С. 142.

¹⁴ Харпер Ф. Неудержимая Россия // Россия 1917 г. в эго-документах: записки репортера. М., 2016. С. 32.

- ¹⁵ Колоницкий Б. И. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 г. // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72–87.
- ¹⁶ Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.
- ¹⁷ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: период двоевластия. Л., 1973. С. 115.
- ¹⁸ Ан-ский С. Бунт бунтов. Псалом (Светлой памяти Е. С. Сазонова) // Дело народа. 1917. 16 июля.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 1834. Оп. 3. Д. 649.
- ²⁰ Годунов К. В., Волохова В. В. Локальный культ революционного героя: память о террористе А. М. Кузьмине в Петрозаводске // Ученые записки Петрозаводского университета. 2018. № 7. С. 54–62.
- ²¹ Телеграмма ген. Аверьянова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 3. С. 7.
- ²² Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918: в 2 т. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 280.
- ²³ Селивачев В. И. Дневники. Сентябрь 1916 — сентябрь 1917 г. М., 2021. С. 396.
- ²⁴ Тарасов К. А. Грядущий Хам и торжествующие «хамь». Из истории легитимации насилия в 1917 г. // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2022. № 2. С. 81–97.
- ²⁵ «Бешеный шквал сносит все, чем мы жили...»: из дневника Рашель Мироновны Хин-Гольдовской // Россия 1917 г. в эго-документах: дневники. М., 2017. С. 279.
- ²⁶ Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль — октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 73.
- ²⁷ Петроград, 18 июня // Речь. 1917. 18 июня.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Ленин В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 32. М., 1969. С. 374.
- ³⁰ Ленин В. И. О врагах народа // Там же. С. 307.
- ³¹ Меньшевики в 1917 г.: в 3 т. Т. 1: Меньшевики в 1917 г.: от января до июльских событий. М., 1994. С. 591.
- ³² ГАРФ. Ф. Р6978. Оп. 1. Д. 241. Л. 35.
- ³³ О политическом использовании слова «анархия» в 1917 г. см.: Иванов Д. И. Анархия и «анархисть» // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб., 2022. С. 81–102.
- ³⁴ Кризис // Новое время. 1917. 7 июля.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Гражданская война в России и мусульмане. М., 2014. С. 99.
- ³⁷ Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 г. М., 1968. С. 281.
- ³⁸ См. об этом: Ратьковский И. С. Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 48–58.
- ³⁹ Революционное движение в русской армии. С. 223.
- ⁴⁰ Протокол заседания губернского исполнительного комитета Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. 15 июля 1917 г. // Красноярский Совет. Март 1917 г. — июнь 1918 г.: (протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов). Красноярск, 1960. С. 145.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Из протокола заседания Нарвского Совета рабочих и солдатских депутатов о событиях в Петрограде и на фронте и об отношении к Временному правительству // Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. М., 1959. С. 260.
- ⁴³ Бич, 1917: события года в сатире современников. М., 2017. С. 141–143.
- ⁴⁴ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 375.
- ⁴⁵ Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918. М., 2003. С. 176.

⁴⁶ *Меньшевики в 1917 г.: в 3 т. Т. 2: Меньшевики в 1917 г.: от июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 337.*

⁴⁷ *Колоницкий Б. И., Годунов К. В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3 (54). С. 78–87.*

⁴⁸ *Меньшевики в 1917 г. Т. 2. С. 452.*

⁴⁹ *Ирецкий В. Боги жаждут! // Речь. 1917. 27 авг.*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Корнев С. Открытое письмо вождям партии «Народной свободы» // Воля народа. 1917. 1 сент.*

⁵² Там же.

⁵³ *Солдатские письма 1917 г. М.; Л., 1927. С. 118.*

⁵⁴ *Вольский С. Террор или правосудие? // Новая жизнь. 1917. 2 сент.*

⁵⁵ *Ратковский И. С. Социально-психологические и исторические корни террора... С. 133.*

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Годунов К. В. «Пугают террором»: к истории языка насилия в 1917 году // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 268–281. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.201>

Аннотация: В статье рассматриваются особенности политического языка конфликта революционной эпохи. Подобный подход помогает проанализировать процессы проговаривания насилия, понять логику ожесточения и поляризации общества. Без изучения этой проблемы трудно ответить на вопрос о том, как стал возможен культ террора по отношению к политическим врагам. Рассматривается использование понятия «террор» в ходе Российской революции 1917 г. На основании изучения материалов дискуссий различного уровня, политических выступлений, прессы, дневников автор демонстрирует, какие аргументы использовались для легитимации или дегитимации террора. Анализируются процессы проникновения культуры насилия в массовую культуру 1917 г. Сформировавшаяся в ходе революции культура конфликта, на которую оказали воздействие различные факторы, в том числе субкультура революционного подполья, способствовала все более широкому использованию дискурса террора. Сделан вывод о том, что словосочетание «террор» использовалось всеми политическими силами (особое внимание уделено описанию политики памяти партии социалистов-революционеров). Проговаривание террора стало важным фактором, его подготавливающим: понятие «террор» легитимировало применение насилия, оформляло и структурировало политические конфликты. Различные кризисные ситуации революционной эпохи приводили к эскалации борьбы с врагами: уничтожение (политическое или даже физическое) врага описывалось в качестве средства выхода из кризиса. Влияние этого культурного фактора способствовало процессам дегуманизации, расчеловечивания врага. Показано, что в 1917 г. получил распространение язык насилия, который оказал воздействие на ход революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: конфликт, насилие, политический язык, революция, 1917, Россия, террор.

Сведения об авторе: *Годунов К. В.* — канд. ист. наук, науч. сотр., Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); kostyagodunov@yandex.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

FOR CITATION

Godunov K. V. "‘They Scare with Terror’: On the History of the Language of Violence in 1917", *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 268–281. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.201> (In Russian)

Abstract: Task of the study is analysis of the specific features of political language of conflict during the revolutionary epoch. Such an approach helps analyze the processes of verbalization of violence, understand the logic of brutalization and social polarization. Without studying this problem it is hard to explain how the cult of terror targeting political adversaries became possible. The article examines the application of the concept of “terror” during the Revolution of 1917. Based on a study of speeches by materials of discussions at various levels, newspapers, diaries the author demonstrates what arguments were used for legitimation and delegitimation of the terror. The author of the article analyzed the processes of infiltration of culture of violence into the mass culture in 1917. The conflict culture, formed during the 1917 revolution under the impact of various factors (influence of the revolutionary underground subculture) increasingly widespread use of terror. The conclusion reached was that all political forces used the collocation “terror”, and they utilized the fear of terror for their own purposes. Special attention is paid to the memory policy of socialist revolutionaries. The articulation of the terror became an important factor that prepared it — concept “terror” legitimized the use of violence, formalised and structured the increasingly political conflicts. The various crisis situations of the revolutionary epoch led to escalation of the struggle against enemies: destruction (political and even physical) of the adversary was described as the means for exiting the crisis. Influence of this cultural factor reduced contributed to the processes of dehumanization, alienation of the enemy, and set up a specific framework in which various political actors had to operate. In 1917, the language of violence spread, which had an impact on the course of the revolution.

Keywords: conflict, violence, political language, revolution, 1917, Russia, terror.

This article was prepared in the framework of a study conducted at the European University at St. Petersburg with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00369 “The processes of legitimization of violence: conflict cultures in Russia and the escalation of Civil war”.

Author: Godunov K. V. — PhD in History, Research Assistant, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); kostyagodunov@yandex.ru

European University at St. Petersburg, 6/1A, ul. Gagarinskaya, St. Petersburg, 191187, Russia

References:

- Budnitskiy O. V. *Terrorism in the Russian liberation movement: Ideology, ethics, psychology (second half of the 19th — early 20th centuries)* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Dushenko K. V. *Red and White: From the history of political language* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The language and symbols of 1917* (New Haven; London, 1999).
- Godunov K. V. ‘The celebration of the first anniversary of the October Revolution and the Red Terror: Legitimizing of revolutionary violence’, *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 976–988. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.410> (In Russian)
- Godunov K. V., Volokhova V. V. ‘Local cult of a revolutionary hero: Memory of terrorist A. M. Kuzmin in Petrozavodsk’, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta*, no. 7, 2018, pp. 54–62. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.230> (In Russian)
- Ivanov D. I. ‘Anarchy and “anarchists”’, *Slova i konflikt: iazyk protivostoianii i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii*, pp. 81–102 (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Kolonitskiy B. I. ‘Cultural hegemony of socialists in the Russian Revolution of 1917’, *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (116), 2017, pp. 72–87. (In Russian)
- Kolonitskii B. I., Godunov K. V. ‘“Kornilovshchina” as a “civil war”: The application of the concept in the context of a political crisis’, *Vestnik Permskogo universiteta, Series: History*, no. 3, 2021, pp. 78–87. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-3-78-87> (In Russian)
- Ratkovskiy I. S. ‘Socio-psychological and historical roots of terror during the Civil War in Russia (1917–1922)’, *Istoricheskaiia psikhologiya i mental'nost'. Epokhi. Sotsiumy. Liudi*, pp. 125–139 (St. Petersburg, 1999). (In Russian)

-
- Ratkovskiy I. S. 'Reinstatement of the death penalty in Russia in the summer of 1917', *Modern History of Russia*, vol. 1 (12), 2015, pp. 48–58. (In Russian)
- Ryan J. *Lenin's terror: The ideological origins of early Soviet state violence* (London; New York, 2012).
- Safronova J. A. *Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Sobolev G. L. *Revolutionary consciousness of the workers and soldiers in Petrograd in 1917: The period of dualism* (Leningrad, 1973). (In Russian)
- Tarasov K. A. 'The coming kham and triumphant "brutes". From the history of the legitimation of violence in 1917', *Herald of Tver State University. Series: History*, no. 2, 2022, pp. 81–97. <https://doi.org/10.26456/vthistory/2022.2.081-097> (In Russian)
- Znamenskiy O. N. *The intelligentsia on the eve of the Great October (February — October 1917)* (Leningrad, 1988). (In Russian)

Received: September 24, 2023

Accepted: December 27, 2023